

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Круглов Юрий Александрович

**Ограничение прав человека в интересах государственной
безопасности в условиях особых (экстраординарных) правовых
режимов: конституционно-правовое исследование актуальной
российской практики**

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва - 2026

Диссертация подготовлена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель **Пешин Николай Леонидович**
доктор юридических наук, профессор.

**Официальные
оппоненты:**

Гончаров Игорь Владимирович
доктор юридических наук, профессор,
Университет прокуратуры Российской
Федерации, кафедра государственного
строительства и права, заведующий кафедрой;
Должиков Алексей Вячеславович
доктор юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
университет, юридический факультет, кафедра
конституционного права, профессор;
Таева Наталья Евгеньевна
доктор юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кафедра конституционного и муниципального
права, профессор

Защита диссертации состоится «24» сентября 2026 года в 15 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.4 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд. 536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/4018>.

Автореферат разослан «___» июля 2026 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Н.С. Малютин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность выбранной для исследования темы обусловлена необходимостью дополнительного теоретического осмысления современной практики ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях глобальной пандемии COVID-19 (пик которой пришелся на 2020 – 2021 гг.), а также в условиях проведения специальной военной операции, начатой 24 февраля 2022 г. (далее также – СВО). Как пандемия, так и угрозы, ставшие основанием для начала СВО, потребовали от российского руководства введения определенных ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения государственной безопасности.

Глобальная пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для всей системы государственной безопасности как в России, так и по всему миру. Повышенная скорость распространения коронавирусной инфекции поставила под угрозу систему оказания медицинской помощи в целом, что вместе с высокими абсолютными показателями летальных исходов было квалифицировано как реальная и серьезная угроза для государственной безопасности. Для противодействия распространению коронавирусной инфекции потребовалось введение масштабных и жестких ограничений, которые не укладывались в рамки существовавших особых (экстраординарных) правовых режимов.

Нормативно-правовой основой для противодействия распространению COVID-19 стал правовой режим повышенной готовности. Однако ввиду фрагментарности федерального экстраординарного регулирования соответствующий режим конструировался непосредственно в процессе пандемии. При этом ряд ограничений так и остался урегулирован отдельными региональными актами, не получив своего воплощения на уровне федерального законодательства (даже в форме общих норм).

В свою очередь, специальная военная операция породила принципиально новые вызовы для балансировки ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Проведение специальной военной операции на отдельных территориях Украины потребовало введения непосредственно режима военного положения на территории четырех субъектов Российской Федерации¹ (в Донецкой Народной Республике, в Луганской Народной Республике, а также в Херсонской и Запорожской областях). Введение военного положения на территории отмеченных четырех субъектов Российской Федерации стало первым случаем в отечественной истории, когда был задействован соответствующий особый правовой режим, предусмотренный ст. 87 Конституции Российской Федерации² и детализированный в Федеральном конституционном законе «О военном положении»³.

Однако, помимо использования институционализированного режима военного положения, также стало применяться и иное экстраординарное регулирование. В связи с проведением специальной военной операции был введен средний уровень реагирования в Республике Крым, Краснодарском крае, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской и Ростовской областях, а также в г. Севастополе. Уровень повышенной готовности был введен во всех иных регионах Центрального и Южного федеральных округов. Данные уровни реагирования и готовности фактически представляют собой нетипичные экстраординарные правовые режимы, однако в условиях отсутствия соответствующих конституционных

¹ Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» (утвержден Постановлением СФ ФС РФ от 19.10.2022 № 462-СФ) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7381; Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7382.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

³ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

положений и/или специального федерального закона они выступают как набор отдельных ограничений конституционных прав и свобод.

При всем различии двух ситуаций в них обнаруживается общая черта. Серьезные ограничения конституционных прав и свобод вводились не через классические режимы чрезвычайного и военного положения, для которых пределы и гарантии заданы Конституцией и федеральными конституционными законами, а через нормативные конструкции, сформированные *ad hoc* на основе актов разной юридической силы и расширительного толкования положений федеральных законов.

При этом ввиду новизны соответствующих вызовов еще не сформировалось исчерпывающее теоретическое представление о допустимости подобного подхода к ограничению конституционных прав и свобод. Фрагментарной остается и практика Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ). Как следствие, вплоть до настоящего времени не выработаны конкретные критерии и пределы таких ограничений прав и свобод, не предложены назревшие изменения законодательства об особых (экстраординарных) правовых режимах.

Подобный разрыв между сложившейся с 2020 г. практикой ограничения конституционных прав и свобод, с одной стороны, и ее теоретическим осмыслением, с другой стороны, и определяет актуальность темы настоящего исследования.

Степень научной разработанности выбранной для исследования темы в отечественной академической литературе отличается фрагментарностью.

Так, достаточно подробно исследованы общие особенности ограничения конституционных прав и свобод человека. Соответствующие тематические труды можно встретить у следующих авторов: А.М. Арбузкина, С.А. Авакьяна, П.Д. Блохина, Н.А. Богдановой, Н.А. Болдырева, В.И. Гоймана, А.В. Должикова, А.А. Зайцева, В.Д. Зорькина, А.А. Кондрашева, В.И. Крусса, Н.С. Малютина, Е.Н. Марковой, В.С. Нерсисянца,

В.М. Малиновской, С.В. Пчелинцева, А.А. Троицкой, Т.Я. Хабриевой, Н.И. Шаклеина, С.Н. Шевердяева, Д.Г. Шустрова, Б.С. Эбзеева и др.

Большое количество современных трудов отечественных правоведов посвящено анализу категории «государственная безопасность» и иных смежных категорий. Так, в частности, соответствующие вопросы становились предметом исследования таких ученых, как С.С. Алексеев, И.Л. Бачило, Ю.А. Дмитриев, Б.В. Ерофеева, В.А. Колокольцев, В.А. Колосова, В.А. Коношенко, В.А. Копылова, А.П. Кочетков, Н.В. Кривельская, В.В. Лукьянова, Б.Н. Макеева, Л.С. Мамут, В.С. Нерсисянц, Т.А. Полякова, В.П. Сальников, Д.Е. Свистунов, С.В. Степашин, А.Н. Сурков, Ю.А. Тихомиров, Н.А. Трусов, А.М. Яковлева и др.

Непосредственно вопросам ограничения конституционных прав и свобод человека в условиях глобальной пандемии COVID-19 также посвящено достаточно большое количество исследований. Так, здесь можно отметить труды следующих авторов: Е.С. Аничкина, Г.А. Василевича, А.А. Васяева, М.С. Демченко, Е.Н. Дорошенко, Е.Г. Калининой, А.В. Кротова, И.Ю. Остапович, М.Ю. Попова, Т.В. Приходько, А.Н. Сквозникова, Г.А. Степанян, Н.Н. Тарусиной, А.С. Урошлевой, М.Н. Шалберкиной и др. Однако комплексного исследования соответствующих вопросов до сих пор не проводилось.

Что же касается ограничения прав человека в условиях специальной военной операции, то соответствующие вопросы практически не становились предметом исследования в отечественной академической литературе. В настоящее время существуют лишь отдельные работы (в частности, статьи В.А. Винокурова), посвященные общим ограничениям прав человека в период 2022 – 2024 гг., но не особенностям ограничений прав человека в воссоединенных регионах и в регионах со средним уровнем реагирования в условиях введения соответствующих правовых режимов.

Цель исследования состоит в том, чтобы разработать общие критерии оценки конституционности особых (экстраординарных) правовых режимов и

с их учетом проанализировать особенности ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии COVID-19 и вызовов, на противодействие которым направлена СВО.

Для достижения данной цели в исследовании был поставлен следующий ряд **задач**:

- разработать определение категории «государственная безопасность», выявить системные характеристики государства, защита которых составляет ее содержание;
- раскрыть общие теоретико-методологические подходы к ограничению прав и свобод человека и гражданина и обосновать критерии конституционности таких ограничений в экстраординарных ситуациях;
- классифицировать особые (экстраординарные) правовые режимы;
- определить правовую природу особого правового режима противодействия пандемии COVID-19 и оценить его соответствие критериям конституционности;
- разработать модель противодействия пандемиям, обеспечивающую соответствие ограничительных мер формальным и материальным критериям конституционности;
- определить правовую природу особого правового режима противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО;
- оценить по формальным и материальным критериям конституционность особого правового режима противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО;
- оценить конституционность административной и уголовной ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) и обосновать необходимые изменения соответствующих норм;

- обосновать минимальные гарантии осуществления избирательных прав в условиях действия экстраординарных правовых режимов.

Объектом исследования выступили общественные отношения, складывающиеся в связи с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина в интересах государственной безопасности, в том числе в условиях особых (экстраординарных) правовых режимов.

Предметом исследования послужили конституционно-правовые нормы и правоприменительная практика Конституционного Суда Российской Федерации, а также положения федерального и регионального законодательства, подзаконных актов органов федеральной и региональной власти, устанавливающие ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в интересах государственной безопасности, а также доктринальные подходы к их пониманию.

Теоретико-методологические основы исследования представлены концепциями отечественных правоведов, в которых исследуются вопросы ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также вопросы понимания государственной безопасности и смежных категорий. При написании настоящей диссертации были использованы монографии, статьи и диссертации таких авторов, как С.А. Авакьян, С.С. Алексеев, П.П. Баранов, В.В. Барбин, И.Л. Бачило, Н.С. Бондарь, А.Х. Валеев, С.М. Воробьев, Г.А. Гаджиев, А.А. Зайцев, И.А. Ильин, Д.В. Ирошников, А.Э. Кочетков, М.А. Краснов, В.В. Лапаева, А.В. Малько, В.В. Мамонов, Н.И. Матузов, К.А. Минаев, И.М. Приходько, Л.К. Терещенко, С.М. Шахрай, Г.Ф. Шершеневич, Б.С. Эбзеев, И.Д. Ягофарова и др.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные (специальные) методы.

К общенаучным методам относятся: анализ, синтез, индукция, дедукция и системный метод. С помощью анализа были выявлены цели и содержание ограничений прав человека в условиях пандемии COVID-19 и СВО, после чего с использованием синтеза были разработаны теоретические

модели соответствующих нетипичных особых правовых режимов. Индукция позволила обобщить содержание режима повышенной готовности на основе подзаконных и региональных нормативных правовых актов. С помощью дедукции выработанные критерии конституционности последовательно применялись к режиму противодействия COVID-19, к режиму противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО и к ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации. Системный метод позволил выработать понятие и определить содержание категории «государственная безопасность».

К частнонаучным (специальным) методам относятся: историко-правовой метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод анализа правоприменительной практики и метод правового моделирования. Историко-правовой метод позволил выявить основные этапы становления и развития режима повышенной готовности как особого правового режима противодействия пандемии COVID-19 в России. Формально-юридический метод применялся при выявлении содержания и конкретных ограничений прав и свобод в рамках режимов противодействия COVID-19 и военным и террористическим угрозам в контексте СВО. Сравнительно-правовой метод использовался при анализе опыта Германии по введению эпидемической ситуации национального значения, что послужило концептуальной основой для разработки иерархической модели противодействия пандемиям. Анализ правоприменительной практики позволил исследовать позиции КС РФ по вопросам ограничения прав и свобод в условиях пандемии COVID-19, по вопросам введения нетипичных экстраординарных правовых режимов и по вопросам ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации. Метод правового моделирования был использован для разработки новой ограничительной меры в составе режима чрезвычайного положения (эпидемической ситуации федерального или регионального значения).

Нормативные основы исследования представлены положениями отечественных нормативно-правовых актов, в которых находят свое закрепление особенности ограничения прав и свобод человека в интересах государственной безопасности. К нормативным основам исследования, прежде всего, относится Конституция Российской Федерации. Важное место в структуре нормативных основ исследования занимают федеральные конституционные законы, среди которых, прежде всего, можно отметить Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении»⁴ и Федеральный конституционный закон «О военном положении»⁵. Также были использованы федеральные законы, среди которых: Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»⁶, Федеральный закон «О противодействии терроризму»⁷, Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁸, Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁹ и др.

Эмпирическая основа исследования включает в себя правоприменительную практику Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам ограничения прав и свобод человека и гражданина в публичных интересах, обзор практики Верховного Суда Российской Федерации, а также подзаконные акты федеральных и региональных органов государственной власти в части реализации ограничительных мер в условиях пандемии COVID-19 и в условиях СВО.

Научная новизна исследования проявляется в нескольких основных аспектах: предложено авторское определение государственной безопасности,

⁴ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

⁵ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

⁶ Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.

⁷ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁸ Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

⁹ Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

опирающееся на универсальную формулу безопасности и круг защищаемых системных характеристик государства, что восполняет отсутствие единого понимания категории в доктрине; разработаны критерии конституционности особых (экстраординарных) правовых режимов, они дифференцированы на формальные (базовый и квалифицированный) и материальные; особые (экстраординарные) правовые режимы по признаку институционализации разграничены на типичные и нетипичные, описана теоретическая конструкция типичных и нетипичных особых правовых режимов; предложена модель правового режима противодействия пандемиям, построенная на эпидемической ситуации федерального или регионального значения в составе режима чрезвычайного положения и на локальных ограничительных мерах карантина; выявлена особая правовая традиция Конституционного Суда Российской Федерации, допускающая расширительное толкование полномочий Президента России по использованию сил и средств для противодействия острым чрезвычайным ситуациям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Государственная безопасность – это такое состояние государства, при котором конституционный строй, народ, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, неприкосновенность внешних границ, финансово-бюджетная и экономическая стабильность, демократический порядок и нормальное функционирование институтов (органов) государственной власти защищены от любого негативного воздействия за счет закрепления и действия системы специальных правовых средств и деятельности органов государственной власти по их применению, направленных на противодействие такому негативному воздействию, соразмерность которых презюмируется и обеспечивается судебным (в т.ч. конституционным) контролем.

2. Критерии конституционности ограничений прав и свобод человека и гражданина в интересах государственной безопасности в экстраординарных ситуациях дифференцированы на два типа: формальные и материальные.

Формальные критерии конституционности – это критерии, связанные с формой правового закрепления ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина. Формальные критерии в зависимости от требований к форме правового закрепления дифференцированы на два вида: базовый критерий и квалифицированный критерий. Базовый формальный критерий требует закрепления ограничений прав и свобод человека и гражданина на уровне федерального закона. Квалифицированный формальный критерий требует закрепления ограничений прав и свобод человека и гражданина, пределов таких ограничений и гарантий соблюдения прав и свобод на уровне специального федерального закона, посвященного определенному экстраординарному правовому режиму.

Материальные критерии конституционности – это критерии, которые связаны с обеспечением соразмерности (пропорциональности) ограничений прав и свобод человека и гражданина в экстраординарных ситуациях. К материальным критериям относятся:

- правомерность цели в форме закрепления на уровне федерального закона юридических признаков экстраординарной ситуации, которая требует ограничения в правах человека;

- разумность (пригодность) ограничений в правах человека для преодоления экстраординарной ситуации: их временный, вынужденный и ограниченный в соответствии с юридическими признаками экстраординарной ситуации характер;

- необходимость как сохранения минимального содержания права, невозможность применения менее ограничительных мер, а также недопустимость предоставления органам государственной власти неограниченных полномочий;

– баланс частных и публичных интересов в форме критериев и пределов ограничений в правах (включая временные ограничения), исключающих незаконное, произвольное или злонамеренное применение ограничений со стороны органов государственной власти;

– недопустимость ни при каких обстоятельствах определенных видов вмешательств (абсолютно запрещенных вмешательств), включая: пытки, рабство, дискриминацию, презумпцию виновности, запрет пересмотра приговоров, а также повторное наказание за одно и то же преступление.

3. Особые (экстраординарные) правовые режимы ограничений прав и свобод человека и гражданина в интересах государственной безопасности могут быть двух типов: институционализированные (типичные) и *не*институционализированные (нетипичные).

Институционализированные (типичные) экстраординарные правовые режимы прямо поименованы в законодательстве в соответствующем качестве, вводятся при наличии определенных экстраординарных обстоятельств, включают в себя фиксированный набор правовых средств (включая ограничительные меры, их пределы, а также гарантии) и основаны на одном федеральном (в т.ч. конституционном) законе.

*Не*институционализированные (нетипичные) экстраординарные правовые режимы формируются *ad hoc* на основе системы нормативных правовых актов различной юридической силы и уровня, объединенных едиными предметом регулирования, целью и задачами.

4. Особый (экстраординарный) правовой режим противодействия глобальной пандемии COVID-19 представляет собой *не*институционализированный (нетипичный) экстраординарный правовой режим, содержательно сформированный *ad hoc* на уровне региональных подзаконных актов посредством «опережающего» расширительного толкования положений двух федеральных законов: 1) п. 10 ст. 4.1, подп. «а.1», «а.2» ст. 10, подп. «а», «м», «у», «ф» п. 1 ст. 11 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций

природного и техногенного характера» (экстраординарное регулирование); 2) ст. 31 (экстраординарное регулирование) и ст. 33 (ординарное регулирование) Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», – а также дополненный преференциальными мерами (как пределом ограничений прав и гарантией соблюдения прав) и специальной ординарной административной и уголовной ответственностью на федеральном уровне.

5. Вместо не соответствующего формальным и материальным критериям конституционности нетипичного особого правового режима противодействия COVID-19 предлагается иерархическая модель противодействия пандемиям на основе ограничительных мер различной юридической силы:

- федеральный уровень (Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении») – эпидемическая ситуация федерального значения – специальная ограничительная мера, реализуемая посредством введения режима чрезвычайного положения на территории всей страны или на территории отдельных федеральных округов при превышении более чем в половине субъектов Российской Федерации пороговых значений заболеваемости (по конкретным заболеваниям), определенных в соответствии с санитарно-эпидемиологическими стандартами;

- региональный уровень (Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении») – эпидемическая ситуация регионального значения – специальная ограничительная мера, реализуемая посредством введения режима чрезвычайного положения в рамках отдельного субъекта или нескольких граничащих субъектов при превышении на соответствующей территории пороговых значений заболеваемости (по конкретным заболеваниям), определенных в соответствии с санитарно-эпидемиологическими стандартами;

- местный уровень (Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения») – ограничительные меры

(карантин), применяемые локально для противодействия распространению заболевания в определенной местности и для оказания помощи больным.

Подробно предлагаемые направления совершенствования федерального законодательства приведены в Концепции Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О чрезвычайном положении"» и Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения"», а также Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (Приложение 2).

6. Особый (экстраординарный) правовой режим противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО представляет собой *неинституционализированный* (нетипичный) экстраординарный правовой режим, сформированный *ad hoc* на базе: режима военного положения, режимов контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации, а также новых режимов среднего уровня реагирования, уровня повышенной готовности и уровня базовой готовности, закрепленных в рамках специального указа Президента.

7. Особый (экстраординарный) правовой режим противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО соответствует базовому формальному и материальным критериям конституционности.

Базовый формальный критерий опирается на федеральное законодательство о военном положении, о чрезвычайной ситуации и о режиме контртеррористической операции, истолкованное через призму особой правовой традиции КС РФ¹⁰ по вопросам введения нетипичных экстраординарных правовых режимов, допускающей расширительное толкование полномочий Президента России по использованию сил и средств для противодействия острым чрезвычайным ситуациям.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3424; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть II). Ст. 289.

Материальные критерии конституционности особого правового режима противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО соблюдаются посредством дробления правового режима (военное положение, чрезвычайная ситуация, контртеррористическая операция) для обеспечения соразмерности (пригодности) вводимых ограничений прав и свобод человека и гражданина, их необходимости и баланса частных и публичных интересов в каждом отдельном регионе или местности.

8. В отсутствие наличествующего вооруженного конфликта (как специальной экстраординарной ситуации), в рамках которого задействованы ВС РФ, установление уголовной ответственности за дискредитацию ВС РФ и административной ответственности за распространение соответствующей информации не соответствует критериям правомерности цели, соразмерности (пригодности) и необходимости.

Для обеспечения конституционности положений ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административной ответственности¹¹ (КоАП РФ), ст. 207.3, ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации¹² (УК РФ) необходимо:

- придать соответствующим нормам характер экстраординарного правового регулирования за счет прямого указания в диспозициях статей на совершение соответствующих деяний «в период действия военного положения и в отношении действий, решений, полномочий и задач, непосредственно связанных с военным положением»;

- закрепить на законодательном уровне понятие дискредитации применительно к соответствующим статьям.

9. В контексте внесения изменений в п. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» и ст. 10.1 Федерального

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», позволяющих проводить электоральные мероприятия на территории, где введены военное положение, режимы повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, необходимо предусмотреть минимальные гарантии осуществления избирательных прав, включая: время работы избирательных участков, процесс формирования избирательной комиссии, вопросы связи и передачи данных, возможности агитации, порядок работы наблюдателей, а также установить, что фундаментальные принципы избирательного процесса (открытость и гласность работы избирательных комиссий, свобода определения гражданином своего выбора, тайна голосования) не должны критически нарушаться.

Теоретическая значимость исследования обусловлена авторскими положениями и выводами. Разработана система критериев конституционности особых (экстраординарных) правовых режимов, интегрирующая формальную и материальную проверку. Эти критерии применимы и за пределами COVID-19 и СВО, в том числе при конструировании новых правовых режимов и при оценке иных нетипичных режимов. Отдельно можно отметить вовлечение в научный оборот особой правовой традиции КС РФ по расширению полномочий Президента России в части противодействия чрезвычайным ситуациям. Соответствующая традиция берет свое начало еще с 1995 г. и последовательно воспроизводится в отдельных позициях Суда, однако не была выявлена и квалифицирована. Также было углублено представление об особых правовых режимах за счет разграничения институционализированных (типичных) и неинституционализированных (нетипичных) режимов. Настоящее исследование вносит ряд новых представлений о нетипичных конструкциях, через которые вводились наиболее масштабные ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Практическая значимость преимущественно сконцентрирована в рамках конкретных предложений по совершенствованию законодательства. В части противодействия эпидемиям предложено закрепить в Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении» особую ограничительную меру в виде эпидемической ситуации федерального или регионального значения, а ограничительные меры карантина по Федеральному закону «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» перевести на локальный уровень с соответствующей корректировкой административной ответственности. Применительно к ограничениям периода СВО обоснованы изменения ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 207.3 и ст. 280.3 УК РФ, придающие ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации характер экстраординарного регулирования. Отмеченные результаты применимы в правотворческой деятельности, в практике конституционного контроля и в чтении курсов «Конституционное право» и «Административное право».

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены лично автором. Все публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности, выполнены без соавторства.

Достоверность результатов исследования обусловлена корректным определением объекта и предмета исследования, постановкой релевантных цели и задач исследования, использованием проработанной теоретико-методологической базы, а также опорой на обширную эмпирическую базу.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на кафедре конституционного и муниципального права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, изложены автором в 5 научных работах по теме, из них в 4 научных статьях,

опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Основные теоретические положения, выводы и практические рекомендации диссертации были представлены и обсуждены на пяти научно-практических мероприятиях всероссийского и международного уровня, включая конференции, международные форумы, «круглые столы», заседания рабочих групп и сессии международных организаций. В частности, автором были сделаны доклады по теме диссертации на следующих площадках: заседание Антикоррупционной рабочей группы БРИКС (г. Москва, 17 – 18 апреля 2024 г.); XVIII Международный форум «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности» (Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, 16 – 18 сентября 2024 г.); сессия по международному сотрудничеству и противодействию терроризму в рамках Первого межсессионного заседания 33-й сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (г. Вена, Австрия, 2 – 4 декабря 2024 г.); круглый стол «Возврат из-за рубежа активов. Опыт прокурорских служб БРИКС+», проведенный в рамках II Всероссийской научно-практической конференции «Российская прокуратура: укрепление экономической основы государства» (г. Москва, 19 февраля 2025 г.); возобновленная 34-я сессия Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (г. Вена, Австрия, 4 – 5 декабря 2025 г.).

Структура исследования включает в себя введение, две главы, разделенные на девять параграфов, заключение и список использованных источников и литературы. Выбранная структура способствует наиболее полному раскрытию темы исследования, достижению его цели и решению всех поставленных перед ним задач.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность выбранной для исследования темы, приведены сведения о степени ее научной разработанности. Определены объект и предмет исследования. Осуществлена постановка цели и задач работы. Указаны сведения о теоретико-методологических, эмпирических и нормативных основах исследования. Сформулирована научная новизна и приведены основные положения, выносимые на защиту. Обоснована теоретическая и практическая значимость исследования. Отмечен личный вклад автора. Приведены данные о достоверности полученных результатов и их апробации. Также во введении приводится краткая информация о структуре работы.

Глава I «Теоретико-методологические основы исследования ограничения прав человека в интересах обеспечения государственной безопасности» посвящена анализу общих теоретических и правовых вопросов, связанных с ограничением прав человека в интересах государственной безопасности.

Параграф 1.1 «Государственная безопасность: к этимологической концептуализации понятия» посвящен исследованию содержания категории «государственная безопасность».

В параграфе проводится детальный анализ соотношения понятия «государственная безопасность» с такими смежными категориями, как «национальная безопасность», «безопасность государства», «конституционная безопасность», «общественная безопасность» и «безопасность личности». Отмечается, что термин «государственная безопасность» наряду с «безопасностью государства» упоминается в различных статьях Конституции Российской Федерации (ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 55, п. «м» ст. 71, ч. 1 ст. 82, п. «д.1» ст. 83, п. «к» ст. 102, п. «д» ст. 114).

Для преодоления терминологической неопределенности в параграфе предлагается универсальный теоретико-методологический подход к конструированию понятия «безопасность», основанный на абстрактной

формуле, согласно которой безопасность представляет собой такое состояние системы, которому присущ уровень нивелирующего противодействия, соразмерный негативному воздействию (как наличествующему, так и потенциальному).

На основе данного подхода сформулировано авторское определение государственной безопасности, отраженное в положениях, выносимых на защиту.

В параграфе 1.2 «Ограничение прав человека: общие теоретико-методологические подходы» анализируется взаимосвязь категорий «права человека» и «государственная безопасность», рассматриваются различные концептуальные подходы к пониманию правовой природы ограничений прав человека.

Установлено, что соотношение указанных категорий осуществляется через конструкцию ограничения прав в интересах государственной безопасности, которое должно быть соразмерно негативному воздействию на системные характеристики государства. В основе данной проблематики лежит вопрос соразмерности публичных и частных интересов.

Проведенное исследование показало, что проблема ограничения прав человека заключается в том, что права, будучи выражением равной с другими свободы, одновременно являются притязанием на ограничение свободы другого. Также выявлено базовое противоречие государственности: с одной стороны, государство выступает основным гарантом защиты прав человека, с другой – его деятельность в отдельных случаях может представлять угрозу правам человека.

При этом с теоретико-методологической точки зрения обосновано разграничение понятий «ограничения права» (уточнение их содержания на уровне правового регулирования) и «ограничения в праве» (частичная модификация содержания конституционных прав в особых обстоятельствах). Сделан вывод о том, что ключевыми критериями их разграничения

выступают универсальность/специальность действия и наличие/отсутствие конституционно значимых целей.

Определены виды ограничений конституционных прав: 1) ограничения, имплицитно заложенные в нормах Конституции России; 2) ограничения в форме указания на детализацию правового регулирования на уровне закона; 3) ограничения в форме закрепления конституционных обязанностей. Также выделены виды ограничений в конституционных правах: 1) ограничения прав отдельных граждан на основании судебного решения; 2) ограничения в целях защиты конституционно значимых ценностей; 3) ограничения в условиях чрезвычайного положения.

Особое внимание уделено ограничениям в конституционных правах, поскольку именно они используются в рамках особых правовых режимов. Однако, ввиду отсутствия устоявшегося подхода к подобному разграничению «ограничений прав» и «ограничений в правах» (в т.ч. в ФКЗ, федеральных законах и в практике КС РФ), далее категория «ограничения прав» будет использоваться в качестве универсальной.

Параграф 1.3 «Тест на соразмерность при ограничении прав человека в интересах государственной безопасности» посвящен анализу сущности и структуры теста соразмерности как ключевого инструмента оценки конституционности ограничений в правах человека в интересах обеспечения государственной безопасности.

На основе доктринальных подходов отечественных и зарубежных ученых рассматривается телеологический аспект ограничений в правах человека. Подчеркивается, что основной целью таких ограничений выступает обеспечение публичных интересов (сдерживание противозаконных деяний для защиты общественных отношений, предотвращение злоупотребления свободой, обеспечение внутренней и внешней безопасности государства). При этом главным правовым инструментом, обеспечивающим баланс между защитой прав человека и публичными интересами государства, является тест соразмерности (пропорциональности), применяемый как в рамках

законотворческого процесса, так и при осуществлении конституционного контроля.

В исследовании установлено, что тест соразмерности ограничений в правах в интересах государственной безопасности включает четыре обязательных элемента, образующих единую структуру оценки:

1. Первый элемент – правомерность цели – требует наличия законной и легитимной основы для введения ограничений.

2. Второй элемент – разумность (пригодность) средств – предполагает, что выбранные формы и способы ограничений должны соответствовать масштабам угрозы конституционному строю, а определение такого масштаба должно осуществляться исходя из юридических, а не политических характеристик.

3. Третий элемент – необходимость – устанавливает недопустимость нарушения минимального ядра конституционных прав, их отмены или умаления.

4. Четвертый элемент – балансирование (взвешивание) частных и публичных интересов – предполагает практическое согласование конкурирующих конституционных ценностей с учетом конкретных обстоятельств.

Данный тест применяется Конституционным Судом Российской Федерации при осуществлении контроля за соблюдением баланса между защитой основных характеристик государства и обеспечением конституционных прав и свобод граждан.

При этом на основе исследования правоприменительной практики КС РФ показано, что обеспечение государственной безопасности как правомерная цель ограничения прав человека может использоваться только при наличии исключительной и действительной опасности, угрожающей жизни нации, при этом недопустимо ссылаться на государственную безопасность в качестве причины, когда речь идет о предотвращении только местной или относительно изолированной угрозы правопорядку.

Параграф 1.4 «Особые (экстраординарные) правовые режимы ограничений прав человека в интересах государственной безопасности: общая характеристика» посвящен исследованию особых правовых режимов как механизмов обеспечения государственной безопасности, допускающих ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В рамках данного параграфа рассмотрены теоретико-методологические подходы к пониманию особых (экстраординарных) правовых режимов, проанализированы критерии их конституционности, а также исследован вопрос о границах допустимых ограничений прав человека через призму концепции абсолютных прав.

Установлено, что в отечественной правовой литературе отсутствует единообразный подход к пониманию особых правовых режимов, однако сформулировано определение, согласно которому особый (экстраординарный) правовой режим представляет собой основанный на специальном комплексе правовых норм экстраординарный порядок преимущественно императивного правового регулирования и государственного управления, в условиях которого в целях противодействия экстраординарной ситуации, представляющей угрозу для безопасности личности, общества и государства, временно ограничивается реализация прав и свобод человека и гражданина, на граждан и организации возлагаются дополнительные обязанности.

По итогам анализа конституционно-правовой доктрины и практики Конституционного Суда Российской Федерации сделан вывод о том, что конституционность особых (экстраординарных) правовых режимов ограничений прав человека в интересах государственной безопасности определяется соответствием формальным и материальным критериям. Формальный критерий предполагает закрепление ограничений прав на уровне федерального закона согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Материальные критерии включают: правомерность цели в форме

закрепления юридических признаков экстраординарной ситуации; разумность (пригодность) ограничений для преодоления этой ситуации; необходимость как сохранения минимального содержания права; баланс частных и публичных интересов в форме правовых гарантий против злоупотреблений.

Особое внимание в параграфе уделено проблематике абсолютных прав и свобод человека, которые не подлежат ограничению даже в условиях особых правовых режимов. На основе анализа международно-правовых документов, включая Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах¹³, а также практики КС РФ, показано, что абсолютно неприемлемыми формами нивелирующего противодействия являются: пытки, рабство, дискриминация, презумпция виновности, запрет пересмотра приговоров, а также повторное наказание за одно и то же преступление.

Параграф 1.5 «Виды особых (экстраординарных) правовых режимов ограничения прав человека в интересах государственной безопасности» посвящен анализу существующих типов правовых режимов, в рамках которых могут ограничиваться конституционные права и свободы.

В ходе исследования выявлено, что особые (экстраординарные) правовые режимы могут быть двух типов: институционализированные (типичные) и неинституционализированные (нетипичные). Первые прямо поименованы в законодательстве, вводятся при определенных экстраординарных обстоятельствах и включают фиксированный набор правовых средств, основанных на федеральном законе. Вторые формируются *ad hoc* на основе системы нормативных правовых актов различной юридической силы, объединенных единым предметом регулирования, целью и задачами.

¹³ Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах. Организация Объединенных Наций. Экономический и социальный совет. Документ ООН E/CN.4/1985/4, Приложение (1985).

В данном параграфе последовательно рассмотрены ключевые институционализированные особые правовые режимы: чрезвычайное положение, военное положение, режим военного времени, режим контртеррористической операции, режим чрезвычайной ситуации и режим карантина. Для каждого из этих режимов проанализированы правовые основания введения, цели, предусмотренные ограничения прав человека и их пределы, а также соответствие критериям конституционности.

Глава II «Ограничение прав человека в условиях отдельных экстраординарных правовых режимов (на примере глобальной пандемии COVID-19 и СВО)» носит практико-ориентированный характер. Анализ здесь сконцентрирован на двух наиболее актуальных примерах ограничения в конституционных правах в условиях экстраординарных правовых режимов.

Параграф 2.1 «Особый правовой режим ограничений прав человека в условиях пандемии COVID-19» посвящен исследованию правовой природы и конституционности экстраординарных мер, принятых для противодействия распространению коронавирусной инфекции.

В параграфе установлено, что глобальная пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для государственной безопасности, поставив под угрозу систему здравоохранения и спровоцировав множество проблем медицинского, социального, экономического и политического характера. Показано, что для противодействия этим угрозам в России был введен особый правовой режим, который по своей правовой природе представляет собой *не*институционализированный (нетипичный) экстраординарный правовой режим, содержательно сформированный *ad hoc* на уровне региональных подзаконных актов посредством расширительного толкования положений федеральных законов.

В ходе исследования установлено, что пробелы федерального законодательства в сфере противодействия пандемиям способствовали возникновению в российском правовом порядке такого правового явления как

мягкая гармонизация регионального законодательства на основе наиболее прогрессивного опыта отдельных регионов, где основой для гармонизации выступало преимущественно законодательство г. Москвы.

Особое внимание в параграфе уделено анализу позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 25.12.2020 № 49-П¹⁴. Исследованы аргументы КС РФ относительно правомерности цели, разумности (пригодности) введенных ограничений, их необходимости и баланса частных и публичных интересов.

Конституционный Суд РФ, анализируя правомерность ограничений при пандемии COVID-19, признал их целью обеспечение жизнедеятельности общества в экстраординарной ситуации (правомерность цели), защиту прав неопределенного круга лиц, подчеркнув временный и вынужденный характер принятых мер (их разумность, пригодность). При балансировке частных и публичных интересов Суд поставил жизнь и здоровье выше других конституционных ценностей, трактуя ограничения как проявление «социальной солидарности» и «взаимного доверия государства и общества».

Однако КС РФ неоправданно признал допустимым «опережающее правовое регулирование» на региональном подзаконном уровне, хотя это противоречит требованию ч. 3 ст. 55 Конституции об ограничении прав только федеральным законом. Фактически Суд ограничился оценкой конституционности лишь регионального подзаконного регулирования, презюмируя конституционность федеральных подзаконных актов.

Параграф 2.2 «Потенциальные направления совершенствования особого правового режима противодействия пандемиям» посвящен вопросам конституционно-правового обеспечения баланса частных и публичных интересов при противодействии эпидемическим угрозам в будущем.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть II). Ст. 289.

В параграфе подробно исследуется проблематика применения режима повышенной готовности в период пандемии COVID-19 вместо предусмотренного законодательством режима карантина.

Значительное внимание уделяется сравнительно-правовому анализу зарубежного опыта формирования особых правовых режимов противодействия пандемиям. В частности, детально рассмотрен правовой опыт Германии, где для противодействия пандемии COVID-19 был введен специальный режим «эпидемической ситуации национального значения», предусматривающий четкий перечень конституционных прав, которые могут быть ограничены, и закрепляющий пределы таких ограничений.

На основе проведенного анализа был сделан вывод о необходимости дифференциации особого правового режима противодействия пандемиям на два уровня правового регулирования: конституционный и федеральный.

На федеральном конституционном уровне правового регулирования предложено внести изменения в Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», предусмотрев возможность введения при объявлении чрезвычайного положения особой ограничительной меры — «эпидемической ситуации федерального или регионального значения». В рамках соответствующей ограничительной меры должны допускаться серьезные ограничения прав человека с установленными критериями и пределами введения таких ограничений.

На федеральном уровне правового регулирования выявлена необходимость корректировки положений Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» таким образом, чтобы предусмотренные им ограничительные меры (карантин) приобрели точечный (локальный) или индивидуально-определенный характер. Представлены конкретные рекомендации по внесению соответствующих изменений в действующее законодательство.

Параграф 2.3 «Нормативные основы ограничений прав человека на отдельных территориях России в период проведения специальной

военной операции» посвящен исследованию особых правовых режимов, введенных в связи с проведением специальной военной операции (СВО), и их влияния на ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Выявлено, что особый (экстраординарный) правовой режим противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО представляет собой *неинституционализированный* (нетипичный) экстраординарный правовой режим, сформированный *ad hoc* на базе режима военного положения, режимов контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации, а также новых режимов среднего уровня реагирования, уровня повышенной готовности и уровня базовой готовности, закрепленных в специальном указе Президента России.

На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что, с теоретической точки зрения, особый правовой режим противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО не в полной мере соответствует формальному критерию конституционности, поскольку нетипичные правовые режимы среднего уровня реагирования и уровня повышенной готовности предусматривают возможность введения ограничительных мер, допустимых только на территории действия военного положения.

Однако, практическая оценка показала, что данное формальное несоответствие не влечет за собой общую неконституционность отмеченных нетипичных правовых режимов ввиду сложившейся правовой традиции, допускающей расширительное толкование полномочий Президента по противодействию чрезвычайным ситуациям. Кроме того, введенный особый правовой режим, обеспечивающий защиту населения от военных угроз в условиях СВО, соответствует материальным критериям конституционности, включая правомерность цели, разумность средств достижения цели и их необходимость.

Параграф 2.4 «Оценка практики введения отдельных ограничительных мер в условиях проведения специальной военной

операции» посвящен вопросам соответствия отдельных ограничений прав и свобод граждан критериям правомерности, разумности (пригодности) и необходимости, а также оценке их соразмерности целям обеспечения государственной безопасности.

В параграфе проведен комплексный анализ ограничительных мер, принятых в рамках военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей Российской Федерации, а также отдельных законодательных новелл, принятых в контексте проведения СВО.

Установлено, что ограничения затронули несколько групп конституционных прав и свобод.

В отношении личных прав и свобод рассмотрены такие меры, как мобилизационные мероприятия, ограничивающие право на свободу и личную неприкосновенность, военная цензура, затрагивающая тайну переписки, комендантский час и ограничения свободы передвижения.

Значительное внимание уделено реализации избирательных прав граждан в условиях военного положения. Рассмотрена практика проведения выборов на территориях, где введено военное положение, после внесения изменений в ФКЗ «О военном положении» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁵. Позитивно оценена практика максимального обеспечения реализации избирательных прав, что соответствует ценностям демократического правового государства.

Особое внимание в параграфе уделено ограничениям публично-политических прав, включая свободу слова, право на информацию, право на распространение информации. Проанализированы нормы административной и уголовной ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил РФ (ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 280.3 УК РФ), а также за распространение заведомо ложной информации о деятельности ВС РФ (ст. 207.3 УК РФ).

¹⁵ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

На основе анализа определения Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 2114-О¹⁶ сделан вывод о том, что оценка конституционности данных норм должна производиться с учетом экстраординарного характера ситуации, связанной с проведением СВО.

В работе показано, что существенным недостатком особого правового режима противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО является формирование ординарной юридической ответственности за деяния, имеющие экстраординарную природу.

В целом, сделан вывод о том, что большинство ограничений прав и свобод, принимаемых в контексте проведения СВО, могут быть признаны соразмерными. Исключение составляют отдельные меры, принятые федеральным законодателем, которые не в полной мере отвечают критериям необходимости и разумности.

В завершение параграфа отмечается важность оперативного реагирования на отпадение условий для существования ограничений и обеспечения надлежащего контроля за реализацией особых правовых режимов со стороны уполномоченных органов государственной власти и институтов гражданского общества.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 2114-О (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении формулируются основные выводы и результаты, полученные по итогам решения всех задач, поставленных во введении.

Предложен авторский подход к пониманию категории «государственная безопасность», выявлены особенности применения теста на соразмерность при ограничении прав человека в соответствующих целях, обоснована классификация особых (экстраординарных) правовых режимов на институционализированные (типичные) и *не*институционализированные (нетипичные), сформулированы формальные и материальные критерии их конституционности.

Исследование показало, что актуальная российская практика ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в интересах государственной безопасности характеризуется преимущественным использованием *не*институционализированных (нетипичных) экстраординарных правовых режимов, формируемых *ad hoc* на основе расширительного толкования действующего законодательства. Данная закономерность прослеживается как в период противодействия глобальной пандемии COVID-19, так и в условиях проведения специальной военной операции.

Анализ особого правового режима противодействия глобальной пандемии COVID-19 позволил установить его несоответствие формальному критерию конституционности (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Особый правовой режим противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО, при наличии отдельных формальных несоответствий, демонстрирует бóльшую последовательность. Вместе с тем выявлен существенный недостаток последнего, связанный с формированием ординарной юридической ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации в отсутствие закрепленного на законодательном уровне понятия дискредитации и без

привязки к периоду действия военного положения (т.е. без привязки к конкретному экстраординарному правовому режиму).

Также сформулированы предложения по совершенствованию федерального законодательства.

В части противодействия эпидемическим угрозам обоснована необходимость использования «эпидемической ситуации федерального или регионального значения» в составе режима чрезвычайного положения (с внесением соответствующих изменений в ФКЗ «О чрезвычайном положении»), а также корректировка размера административной ответственности за нарушение режима чрезвычайного положения.

В части обеспечения конституционности отдельных ограничительных мер в условиях СВО предложено придать нормам об ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил (в т.ч. ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 207.3 и ст. 280.3 УК РФ) характер экстраординарного правового регулирования, а также закрепить в ФКЗ «О военном положении» минимальные гарантии реализации избирательных прав.

IV. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Список работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. Гасанов Ю.А. Правовой режим ограничения конституционного права на получение информации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 160 – 163. (0,47 п.л.). EDN: XNVCMG. Импакт-фактор: 0,153 (РИНЦ).

2. Гасанов Ю.А. Актуальные тенденции ограничения конституционных прав граждан в России: вызовы информационного общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 30 – 35. (0,75 п.л.). EDN: KAYIXD. Импакт-фактор: 1,165 (РИНЦ).

3. Круглов Ю.А. Особые (экстраординарные) правовые режимы ограничений прав человека на отдельных территориях Российской Федерации в период проведения специальной военной операции // Общество и право. 2026. № 1 (95). С. 104 – 112. (1,05 п.л.). EDN DLDCEO. Импакт-фактор: 0,449 (РИНЦ).

4. Круглов Ю.А. Тест на соразмерность при ограничении прав человека в интересах государственной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2026. Т. 19. № 2. С. 75 – 87. (1,5 п.л.). EDN DGGTZG. Импакт-фактор: 0,510 (РИНЦ).

Иные публикации:

5. Круглов Ю.А. Содержание конституционной обязанности защиты Отечества // Закон и власть. 2024. № 1. С. 118 – 126. (1,04 п.л.). EDN: JCULEQ. Импакт-фактор: 0,310 (РИНЦ).